

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Методы анализа стратегических культур

Василий Клавдиевич БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Остоженка ул., д. 38, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119034;
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение
мировых и региональных социально-политических процессов»
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»
ул. Минина, 31 а, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603155
E-mail: vk_belozerov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4875-5878

ЦИТИРОВАНИЕ: Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур // Контур
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15.
№ 5. С. 29–49.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.
Исправленный текст представлен 09.08.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено в рамках государственного
задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020).

АННОТАЦИЯ. *Статья имеет целью раскрытие содержания понятия «стратегическая культура», которое обладает значительным познавательным потенциалом для изучения политического курса основных игроков современного мира. В современной России исследование данного феномена отличается противоречивостью и многозначностью, что имеет дезориентирующие последствия и затрудняет использование понятия для идентификации политических явлений и процессов. Ситуация осложняется и отсутствием ясности о том, что такое политическая стратегия. В статье дается авторское видение стратегии и раскрывается, каким образом происходит детерминация стратегической культуры историческим прошлым нации, в том*

числе ее военным опытом. Поэтому посредством понятия «стратегическая культура» обозначается зависимость политического поведения субъекта от восприятия им своей безопасности. Такое восприятие во многом детерминировано историческим опытом применения военной силы и отношения к ней. Поэтому на практике стратегическая культура выражается в предпочтениях при выборе способов и средств реагирования субъекта на изменения в окружающей среде.

Осмысление конкретной стратегической культуры осложняется тем, что, реально существуя и будучи недостаточно изученной и объясненной, она может восприниматься как иррациональный феномен. Понимание стратегической культуры требует

восприятия ценностных смыслов, символов и мотивов политических игроков, что обуславливает повышенные требования к выбору методологии и методов исследования. Изучение стратегической культуры и связанных с ней феноменов предполагает комплексное использование прикладных и конкретных методов. Среди них следует выделить дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов, анализ результатов деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия, культура, стратегическая культура, понятие, военный опыт, методология, методы анализа, конструктивизм.

Современный мировой политический процесс характеризуется резким обострением конфронтации. Существующее состояние правомерно рассматривать как результат столкновения проектов и моделей развития, в основе которых лежат разные системы ценностей. Свое видение состояния и направленности мирового развития и декларацию мотивов и намерений Россия изложила в 2021 г. в Стратегии национальной безопасности, манифестируя стремление к формированию ценностно-ориентированной и долгосрочной программы действий. При этом в названиях официальных документов в России и за рубежом всё чаще используется слово «стратегия», что, помимо прочего, указывает на устремленность в будущее.

Научная мысль, реагируя на происходящее, сосредоточивается на выявлении и осмыслении детерминантов мирового развития, имеющих долгосрочный и устойчивый характер. Внимание исследователей фокусируется и на установлении связи между ценностными ориентациями, стереотипами,

образом мышления игроков, представленных на мировой арене, и содержанием, направленностью и перспективами проводимого ими политического курса [Горбачёв, 2020; Ракитянский, 2020].

Охарактеризовать и раскрыть указанную связь позволяет понятие «стратегическая культура». Внимание к этому феномену активизировалось за рубежом, в ряде стран констатируется ренессанс в исследовании стратегической культуры. Вместе с тем в настоящее время отсутствует консолидированное и непротиворечивое представление о сущности и содержании понятия «стратегическая культура», что создает трудности для его применения, анализа и прогнозирования развития политических процессов.

Общая оценка состояния исследований

Пальма первенства во введении понятия в научный оборот и в политический дискурс принадлежит американскому исследователю Дж. Снайдеру. В конце 70-х годов XX в. он впервые употребил его для сравнения и объяснения особенностей формирования и реализации ядерных стратегий СССР и США. С позиций сегодняшнего дня такой подход представляется, пожалуй, зауженным. Вместе с тем Дж. Снайдер дал жизнь понятию, которое следует признать удачным и эвристичным. В дальнейшем появились исследования, расширившие диапазон его применения для обозначения политических феноменов. Чтобы избежать пересказа сложившихся подходов к исследованию стратегической культуры и их генезиса, можно рекомендовать обратиться к работам российских авторов, в которых представлен качественный обзор концепции стратегической

культуры и ее эволюции [Алексеева, 2012; Ожиганов, 2012].

В нашей стране обращение к проблематике стратегической культуры состоялось относительно недавно, в пределах двух прошедших десятилетий [Алексеева, 2012; Иванов, 2007; Михайленок, 2015; Ожиганов, 2012; Рыхтик, 2003]. Вместе с тем существующие исследования данного феномена нельзя назвать целостными и системными. Имеющиеся работы в большинстве своем связаны с познанием важных, но одновременно частных сюжетов; в силу этого и других обстоятельств проводимые исследования не лишены фрагментарности и дискретности. Также следует констатировать, что в профильной отечественной литературе представлено явно недостаточно системных исследований стратегических культур крупных политических игроков современного мира, их сопоставлений и сравнений [Иванов, 2007; Кожухова, 2021; Ухорская, Кожухова, Кирилина, 2021; Ухорская, 2021].

Имеется и немало определений стратегической культуры, в том числе существенно различающихся между собой. Обратим внимание на позицию А.А. Кокошина, который полагает, что данный феномен выражается в особом, присущем конкретной стране и народу, характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы. Под стратегической культурой он понимает «совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура – это долго-

временный, весьма инерционный социо-психологический феномен» [Кокошин, 2018, с. 161]. Исследователь обращает особое внимание на наличие германской (существовавшей, по его мнению, в 1860–1945 гг.), китайской, англосаксонской, российской, израильской стратегических культур и указывает на их существенные различия.

Определение содержания стратегической культуры и ее дефинирование в известной степени осложняются вследствие использования в научном дискурсе ряда близких понятий, в результате чего рождаются различные смысловые конфигурации. Необходимо, в частности, отметить следующее.

Некоторыми авторами стратегическая культура практически отождествляется с военной сферой социально-политической действительности. Такой позиции придерживается французский автор Бруно Кольсон [Colson, 1992]. Понятием «культура военной безопасности» оперирует в своих трудах российский исследователь С.А. Вершилов [Вершилов, 2010]. Состоялась и концептуализация феномена военной культуры. Профессор С.Н. Климов понимает ее в двух ипостасях: в предельно широком плане – как качественную характеристику бытия военной сферы жизнедеятельности, степень совершенства ее развития как системы в совокупности материальной и духовной составляющих; в узком смысле – как часть культуры, специфический способ деятельности государства и его вооруженных сил, проявляющийся в военной сфере в соответствии с определенной системой ценностей [Климов, 2001, с. 25]. Дискуссии относительно содержания понятия «военная культура», его места среди других понятий в современной России продолжаются [Данильченко, Гришина, 2022; Климов, Семаева, 2018]. При всех различиях в сложившихся подходах

детерминация военной культуры обстоятельствами исторического характера сомнению не подвергается.

В современной России введено в научный оборот и понятие геополитической культуры [Терновая, 2021; Шубина, 2006]. Посредством его характеризуется система исторически сложившихся в конкретной стране устойчивых убеждений, представлений, традиций, ценностей и установок относительно международных отношений, мировой политики, геополитической картины мира, геополитической ситуации, геополитического статуса и угроз безопасности.

Заслуживают внимания проводимые в России исследования в области стратегической психологии [Стратегическая психология ..., 2006]. Важными здесь видятся результаты осмысления поведения народных масс и элиты общества в период таких национальных катастроф, как крушение Российской империи и Советского Союза. Проведенный с позиций стратегической психологии анализ этих социальных катаклизмов позволил исследователям заключить, что «... в критических ситуациях политическим поведением людей управляет не сознание, а менталитет» [Ракитянский, 2020, с. 12]. То есть речь идет о ценностных ориентациях и установках, приобретение которых социумами происходило в течение жизни многих поколений.

Следствием сложившегося в практике научных исследований обращения к понятиям «культура» и «стратегия» является возникновение их синтеза и (или) их использование в связке с другими.

Рамки же исследования стратегической культуры еще определяют. Так, ознакомление с профильной зарубежной литературой показывает, что происходит дифференциация понятия. В частности, речь идет уже

не о больших социальных образованиях, таких как народы, государства, нации, а о стратегической культуре политических партий и иных групп того или иного общества [Strategische Kultur als... 2019, с. 117–139]. То есть в данном случае дифференциация и классификация достигнет предела, если дойдет до отдельной личности, что будет свидетельствовать о полной атомизации стратегической культуры. Отсюда правомерен вопрос о выделении и уточнении социально-политических феноменов, для обозначения которых используется этот термин.

Пока же в ряде случаев складывается дезориентирующая ситуация, и возникает запутанный лабиринт, выбраться из которого человеку, стремящемуся добраться до сути дела, может оказаться весьма непросто. В сложившихся условиях довольно затруднительно ухватить смысл стратегической культуры и четко очертить явления и процессы, подпадающие под ее определение и относящиеся именно к ней.

Отсюда возникает необходимость преодоления сложившейся в связи со стратегической культурой понятийной неопределенности. При этом хорошо известна истина, что «теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами» [Шмитт, 2007, с. 144]. Как и в любой другой системе научного знания, в политологии совокупность понятий представляет собой основу ее познавательного инструментария и обеспечивает проникновение в смысл политических явлений. Здесь будет уместно привести следующую метафору. Во второй – историософской – части эпилога романа «Война и мир» содержится характерное суждение Л.Н. Толстого, позволяющее оценить инструментальный смысл научных понятий: «Понятие это есть единственная ручка, посредством которой

можно владеть материалом истории... и тот, кто отломил бы эту ручку... только лишил бы себя последней возможности обращаться с ним» [Толстой, 1983b, с. 735]. Обращает на себя внимание то, что великий писатель, хорошо владевший немецким языком, воспользовался своими познаниями, чтобы обыграть общий корень слов *Begriff* (понятие) и *Griff* (ручка).

Ввиду существующего множества определений культуры при осмыслении стратегической культуры целесообразным представляется сосредоточиться на другой составляющей словосочетания, на стратегии. Если ухватить ее смысл, то появится возможность выяснить, что представляет собой стратегическая культура как явление и понятие, выступающее как синтетическое двухкомпонентное образование.

О содержании понятия «стратегия»

И здесь сразу приходится столкнуться с рядом пока безответных вопросов. Как ни удивительно, но общепринятой точки зрения на то, что такое стратегия, по сей день не существует. Не прибавляют ясности и постоянно появляющиеся научные труды, государственные документы и публицистические произведения, в названиях которых употребляются слово «стратегия» и производные от него.

На некоторые вопросы можно получить ответ, обратившись к возникновению и исторической эволюции понятия «стратегия», пусть даже в виде самого общего обзора. Общеизвестно,

что этимология стратегии обнаруживается в военной сфере социальной действительности, имеется множество трудов с одноименным названием, в том числе тех, которые стали классическими. Причем необходимо учитывать, что речь может идти о стратегии как о практической деятельности, так и о науке. Непонимание необходимости такого различия уже способно привести к путанице.

Как самостоятельная наука стратегия стала утверждаться в Европе в последней четверти XVIII в., откуда вскоре проникла и в Россию. Интересно, что у героев романа «Война и мир» в преддверии «грозы двенадцатого года» стратегия привлекает интерес именно в статусе новой науки¹.

Вместе с тем в отношении содержания стратегии длительное время не было ясности. По крайней мере, в течение нескольких десятилетий зарубежные авторы воздерживались от характеристики содержания стратегии. Отечественный военный мыслитель А.А. Свечин, стремясь разобраться со сложившимся в середине XIX в. положением дел, обратил внимание на то, что «...самое слово “стратег”, которое Клаузевиц применял по адресу лиц, злоупотреблявших терминологией, получило в его устах обидное значение, близкое к понятию шарлатана. Ближайшие за Клаузевицем поколения писателей даже опасались ставить слово “стратегия” в заглавиях своих трудов» [Свечин, 1935, с. 220].

В дальнейшем, в канун Первой мировой войны, в России появились работы критически мыслящих представителей офицерского корпуса, в которых

1 «– Бог тут ни при чем. Ну, рассказывай, – продолжал он, возвращаясь к своему любимому коньку, – как вас немцы с Бонапартом сражаться по вашей новой науке, стратегией называемой, научили» [Толстой, 1983а, с. 162].

«Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки – стратегии, войны ... единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России» [Толстой, 1983а, с. 224]. Курсив автора статьи.

вводилось в оборот понятие «высшая стратегия». Посредством ее обозначался целеустремленный и долгосрочный политический курс государства, обосновывалась насущная необходимость его выработки и реализации для нашей страны [Новицкий, 1913; Вандам, 2002, с. 155–186]. В межвоенный период, приступив к осмыслению Первой мировой войны, передовые отечественные мыслители стали постепенно понимать, что стратегию неправомерно и недальновидно ограничивать только обращением со средствами вооруженной борьбы. Так, А.Е. Снесарев, рецензируя книгу А.А. Свечина «Стратегия», вышедшую в 1926 г., обратил внимание ее автора на то, что в ходе войны в периоды между военными операциями никакого затишья в борьбе не происходит, поскольку в это время «стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.» [Свечин, 2003а, с. 631].

Отсюда с неизбежностью вставал вопрос о государственной стратегии как многокомпонентном и одновременно целостном и внутренне согласованном явлении, включающем в себя и подготовку, и применение военной силы. Фактически сразу по окончании Второй мировой войны известный английский исследователь Б. Лиддел-Гарт стал характеризовать государственную политику как высшую, или большую, стратегию, которая предопределяет в том числе и направленность военной политики. Правда, он признавал всю сложность проблемы охвата

большой стратегией. Так, поскольку Б. Лиддел-Гарт полагал, что большая стратегия вбирает в себя и определение послевоенного устройства страны и мира, то именно по этой причине, «в отличие от стратегии сущность большой стратегии большей частью является *terra incognita* и нуждается в дальнейшем изучении и развитии» [Лиддел-Гарт, 1999, с. 369].

Эволюция политической борьбы и ее восприятия привела к тому, что в послевоенный период стало утверждаться понимание стратегии прежде всего как политического, а затем уже как военного феномена. Во втором случае для уточнения нередко подчеркивают, что речь идет о военной стратегии.

Состоявшееся «вторжение» стратегии в сферу политики требует их очерчивания, выяснения их соотношения. При ознакомлении с каким-либо официальным документом или с научным произведением иной раз трудно уяснить, что имеется в виду, когда говорится о стратегии или о политике (равно как и о доктрине или же о концепции)². Слово же «стратегия» прочно заняло свое место в политическом и научном дискурсе как в России, так и за ее пределами. Так, в нашей стране оно используется в названии главного доктринального документа в сфере национальной безопасности вот уже третий раз с 2009 г. (до этого в 1997 и 2000 гг. принимались концепции национальной безопасности). В Российской Федерации создана и система стратегического планирования: в 2014 г. принят соответствующий федеральный закон, а в 2021 г. государственная политика в сфере стратегического планирования

2 Доктрина – учение, научная или философская истина; концепция – система взглядов на что-нибудь, основная мысль чего-нибудь; стратегия – 1) наука о ведении войны, искусство ведения войны; 2) искусство руководства общественной, политической борьбой. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва, 2004. – С. 218, 375, 1011.

де-юре утвердилась в качестве относительно самостоятельной³.

Думается, что использование в приведенных случаях слова «стратегия» представляет собой декларацию намерения реагировать на развитие внутренних и международных процессов и отражает запрос общества, его элиты и государственного руководства на целеустремленный, долгосрочный, устойчивый, последовательный и прогнозируемый политический курс. Разработка и реализация такого курса требуют следования проектному подходу, что предполагает представление об удаленном будущем, его конструирование, причем достаточно предметное, индикативное. С учетом изложенного можно утверждать, что *стратегия в политике означает целенаправленную и долгосрочную программу действий, выстраиваемую для достижения конкретизированного результата*. В подтверждение приведенной позиции и важности наличия конкретизированного представления образа будущего, выступающего как путеводная звезда для развернутой программы действий, приведем мнение А.А. Свечина, полагавшего, что стратегия есть «определение результата, которого надо добиться. ... Если управлять – это значит предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед» [Свечин, 2003b, с. 19, 25]. При этом среди теоретиков стратегии как прошлого, так и настоящего есть и сторонники радикальной позиции, для которых цель (заданный результат) играет абсолютную, довлеющую роль по отношению к средствам ее достижения, вплоть до игнорирования имеющихся средств и ресурсов, а также деятельности, связанной с их созданием.

К таким теоретикам следует отнести и прусского философа войны: «Создание средств, которыми ведется война, не интересует Клаузевица. Внутреннюю политику Клаузевиц ощущает в основном лишь как неизбежный накладной расход» [Свечин, 1935, с. 258].

Вместе с тем распространено и другое понимание стратегии. По мнению английского исследователя Л. Фридмана (и не только его), стратегия – это «наука о поддержании баланса между целями, способами и средствами; наука об определении целей, а также о ресурсах и методах для ее достижения» [Фридман, 2019, с. 9]. Вместе с тем правомерно поставить перед сторонниками приведенного понимания стратегии вопрос: чем же тогда стратегия будет отличаться, например, от менеджмента и логистики, которые также требуют согласования усилий во времени и в пространстве, соотношения целей и средств? К тому же баланс между целями, средствами, ресурсами и т. д. востребован и предусматривается на всех уровнях управленческой деятельности, а не только на высшем.

Обращает на себя внимание и то, что относительно недавно стали появляться исследования, посвященные государственной стратегии [Kovač, Marček, 2013]. В этой связи конструктив подхода Л. Фридмана заключается в том, что в рамках государственной стратегии среди согласующихся между собой средств и ресурсов политики естественным образом оказывается предусмотренным и место для военной силы. Следовательно, при таком понимании военная стратегия выступает не только в качестве высшего уровня военного искусства, как это общепринято и сложилось исторически,

3 Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 28.08.2022).

но и в качестве неотъемлемого компонента государственной стратегии.

Одновременно отметим и то, что, как признает Л. Фридман, «концепция стратегии “использования всех доступных средств для достижения цели” возникла сравнительно недавно, но уже широко распространилась в военных кругах» [Фридман, 2019, с. 681]. Действительно, можно обнаружить достаточно подтверждений тому, что такая точка зрения получила распространение в военном сообществе. Вместе с тем ее принятие и полное утверждение способно привести к отказу от примата политики над военной сферой и, следовательно, к созданию условий для распространения идеологии и практики милитаризма, что уже неоднократно случалось в истории.

Обобщая обзор понятия стратегии в связи со стратегической культурой, ограничимся установлением следующего. Во-первых, использование в политическом дискурсе слова «стратегия» призвано подчеркнуть долгосрочную и целеустремленную, организованную деятельность. Во-вторых, при оценке использования прилагательного «стратегический» следует учитывать, что оно указывает на изначальную военную этимологию понятия «стратегическая культура». В-третьих, военное прошлое и военный опыт нации являются одним из значимых факторов ее стратегической культуры.

Таким образом, понятие «стратегическая культура» в функциональном и инструментальном смысле обозначает зависимость политического поведения (курса) субъекта от восприятия им своей безопасности и благополучия, которое в значительной степени детерминировано исторически сложившимся опытом применения военной силы и отношения к ней. Стратегическая культура находит свое выражение в способах реагирования субъекта

на изменения в окружающей обстановке и в предпочтениях при выборе средств реагирования, детерминированных обстоятельствами исторической природы, сохраняет относительную стабильность и устойчивость перед обстоятельствами ситуативного характера.

Героические и военные нарративы как источник стратегических культур

Сложившееся состояние стратегической культуры той или иной нации является результатом комбинированного воздействия ряда факторов и условий в самом различном их сочетании. Американский исследователь Джеффри С. Лантис среди всей совокупности потенциальных источников стратегической культуры выделяет три группы [Lantis, 2009, с. 40]:

- физические: география, климат, природные ресурсы, связь поколений, технологическое развитие;
- политические: исторический опыт, политическая система, убеждения элиты, военная организация;
- социальные (культурные): мифы и символы, доминирующие тексты.

При этом общеизвестно, что формирование современных государств и наций в основном проходило в условиях борьбы с соперниками, подчас ожесточенной и жертвенной. Память о ней служит питательной почвой для рождения в массовом сознании ярких образов, моделей и образцов поведения. Поэтому, характеризуя ход и результаты нацистроительства, французский религиозный философ Эрнест Ренан имел необходимые основания для включения в понятие нации восприятия социумом пережитого им исторического опыта: «Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), –

вот главный капитал, на котором основывается национальная идея» [Ренан, 1902, с. 100]. Отсылка к истинности минувших лет у Ренана представляет совершенно нелишней: славное прошлое должно быть достоверным, подтвержденным и убедительным для нации и ее окружения, истинность славного прошлого консолидирует нацию, поддерживает и укрепляет ее жизнеспособность из поколения в поколение.

В массовом сознании связь настоящего с прошлым поддерживается посредством как стихийно сложившихся, так и целенаправленно выстраиваемых механизмов в виде социализации и образования, существования таких политико-психологических феноменов, как историческая память, мифы, стереотипы, символы. Вместе с тем производство и воспроизводство в общественном сознании мифов и стереотипов «героического» характера зависит от множества факторов и не является гарантированным, постоянным, повторяющимся и неизбежным. Для поддержания их в требуемом состоянии в ряде случаев государством и обществом предпринимаются целенаправленные усилия. Они закрепляются в конституциях, других правовых актах; выстраивается определенным образом система образования и др.

В политическом сознании и в исторической памяти нации важное место занимает мифология, детерминированная их героическим прошлым. Как подытожил отечественный философ А.Ф. Лосев, *«миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово»*. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания. Этой установкой мы отвечаем на вторую из предложенных выше апорий (относительно формы проявления личности в мифе). Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия. Это и есть

разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе. Кратко: *миф есть в словах данная личностная история*» [Лосев, 2001, с. 171].

В формировании ряда наций мифология военно-героического характера сыграла особую роль, признаки ее обнаруживаются и в современности. Характерно, что о последствиях воздействия романа Л.Н. Толстого Карл Шмитт высказался следующим образом: «Его эпосея “Война и мир” содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история» [Шмитт, 2007, с. 23]. Разумеется, обращение с мифами, укоренившимися в общественно-политической жизни, реально живущими и функционирующими, требует особых подходов и методов их изучения. Немецкий политолог Х. Мюнклер в своем исследовании, посвященном национальным мифам немцев, показывает, что мифы, соединяя прошлое и будущее, содержат установки для действий в настоящем. По его мнению, именно военное прошлое Германии обеспечило мифологически-нарративное насыщение сознания поколений немцев в течение всего XIX в. и первой половины XX в. [Münckler, 2009, с. 27–28]. Как в итоге установил исследователь, значительная часть национальной мифологии и исторической памяти немцев так или иначе детерминирована образами и символами, порожденными военной деятельностью минувшего и ее последствиями: Фридрих Барбаросса, нибелунги, Арминий и битва в Тевтобургском лесу, дисциплина и высокое самомнение, Пруссия, правление Фридриха II, прусская королева Луиза (1776–1810), освободительная война против Наполеона и национальный подъем, Железный крест, Нюрнберг, Дрезден и др.

При этом достаточно распространенными политико-психологическими

феноменами являются необоснованное возвеличивание и преувеличение представителями того или иного социума своих военных достижений, присущей им особой воинственности и т. д. Клаузевиц, признавая возможность существования таких фантомов, когда-то – с долей снисходительности и сарказма – отмечал, что способность к высокому наступательному порыву и к атаке «приписывают себе решительно все армии» [Клаузевиц, 1937, с. 64]. Фактически же прусский философ войны ставит вопрос о соответствии действительности распространенных в обществе предпочтений и ожиданий от действий своих войск, о соответствии реального поведения армии таким ожиданиям. Если соответствующие ожидания преувеличены, а в обществе, среди государственного и военного руководства господствуют настроения, которые принято называть «шапкозакидательскими», то в случае вооруженного столкновения с недооцененным противником последствия могут оказаться самыми разрушительными.

Военное прошлое, восприятие и осмысление опыта применения военной силы формируют и доктринальные установки. Отечественный военный мыслитель А.А. Свечин в работе «Национальные черты в военном искусстве» (1912–1913) показывает детерминацию не только тактических действий войск, но и военных доктрин ведущих европейских держав обстоятельствами исторического свойства, доказывая, что «национальный мотив в стратегии звучит еще громче, чем в тактике» (цит. по: [Савинкин, 1999, с. 152]).

В дальнейшем, находясь на службе в Красной Армии, А.А. Свечин приложил значительные усилия для обоснования необходимости понимания детерминации военных доктрин историческим прошлым в интересах обеспечения обороноспособности страны и

повышения эффективности подготовки и использования военной силы. Он полагал необходимым исходить из того, что «доктрина – дочь истории. ... Понять чью-либо доктрину – это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие» (цит. по: [Савинкин, 1999, с. 201]). На признании необходимости восприятия и осмысления опыта прошлого выстраивалось и понимание им стратегии, поскольку всё ее содержание «представляет, по существу, размышление над военной историей» [Свечин, 2003b, с. 67]. На необходимость одухотворения доктрины закрепленными в сознании общества «живыми идеями» обратил внимание и представитель русской военной эмиграции Н.Н. Головин: «Военная доктрина, представляя собою ряд „живых идей“, не может быть создана одним только приказом или запрещением инако мыслить; в ее основе может лежать лишь убеждение» [Душа армии..., 1927, с. 25].

В связи с изложенным продуктивными представляются результаты исследований, показывающих зависимость военного искусства той или иной страны от особенностей ее сложившегося общественно-политического устройства. Один из известных примеров – многотомное исследование немецкого историка Г. Дельбрюка, в котором он ставил цель «разработать и выявить... связь между государственным устройством, тактикой и стратегией... Взаимодействие тактики и стратегии, с одной стороны, и государственного устройства и политики – с другой, проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались» [Дельбрюк, 1930, с. XLVI]. Традицию Дельбрюка, но уже применительно конкретно к России, продолжил современный австрийский

исследователь П. Ример, обратившийся к раскрытию диалектической взаимосвязи государственной идеи и военного дела в Советском Союзе и в постсоветской России [Rierner, 2021].

Итак, интересы получения объективного знания о той или иной стратегической культуре требуют обращения к историческому опыту применения изучаемым объектом военной силы и к восприятию им самим этого опыта. Для получения такого знания требуется комплексный подход, не стесненный рамками только военной науки. Характерно в этой связи, что практически 100 лет назад отечественный исследователь А.К. Топорков, признавая достижения военных мыслителей предшествующих периодов в вопросах изучения национальных особенностей и иных обстоятельств субъективной природы, всё же вынужден был констатировать: «Военные теоретики останавливаются там, где начинаются наиболее интересные проблемы» [Топорков, 1927, с. 107].

Методологические и методические проблемы анализа стратегических культур

Характеристика той или иной стратегической культуры предполагает разработку достоверной объяснительной модели, позволяющей понять генезис, состояние и перспективы развития этого политического феномена. Творческий поиск, направленный на исследование конкретной стратегической культуры, осложняется тем, что она, реально существуя и будучи недостаточно изученной и объясненной, может восприниматься как «вещь в себе» ввиду содержащегося в ней элемента иррациональности. На такую возможность обращают внимание и российские

исследователи [Алексеева, 2012, с. 132; Иванов, 2007, с. 88].

В действительности же возникновение в процессе познания подобной ситуации следует объяснить отрывом оценки существующего состояния стратегической культуры от ее предыстории, от причин, ее породивших. Между тем процесс ее возникновения и развития, равно как и исторический процесс в целом, подвержен рациональному осмыслению, в то время «как наука вообще, так и методы собирания и анализа данных опираются на возможности здравого человеческого рассудка» [Методические подходы..., 2004, с. 134]. Изучая же стратегическую культуру, исследователь неизбежно сталкивается с такими в известной степени нематериальными феноменами, как знаки, символы, система ценностей. В политической практике данные феномены порой доминируют над ситуативными и рациональными интересами и соображениями носителей стратегической культуры. В результате может возникнуть впечатление, будто политические игроки ведут себя иррационально, терпят издержки и ощущают очевидные негативные последствия вопреки своим интересам и самому здравому смыслу.

Неудивительно, что начиная с 70-х годов XX в., когда исследователи обратились к феномену стратегической культуры, проводимые изыскания основывались на различных методологических подходах. Как в итоге было установлено, методология познания, основанная преимущественно на позитивистской эпистемологии и ортодоксальном рационализме, которые не учитывают в достаточной мере исторических предпосылок, институциональных и коммуникативных практик формирования стратегической культуры, оказалась не способной обеспечить полноценное представление об этом

феномене ввиду необходимости учета процессов восприятия ценностных смыслов, символов и мотивов политических игроков. В результате, как показали проводимые изыскания, преодолению ограниченности позитивизма и устранению разрыва между рационализмом и рефлексией способствовало обращение исследователей к методологии конструктивизма [Алексеева, 2012, с. 145–146; Marti, 2003, с. 74–75; Beeson, Bloomfield, 2019; Wójtowicz, 2018].

Конструктивистская исследовательская парадигма уделяет особое внимание формированию идентичности, связанной с организационными процессами, историей, традициями и культурой. Как обоснованно отмечают российские специалисты, благодаря опоре на концепт идентичности, «появилась возможность преодолеть системные ограничения политико-институционального анализа, расширить границы знаний о природе политических коммуникаций, стимулировать политическое воображение» [Идентичность... 2017, с. 23]. Изучение идентичности позволяет лучше понять мотивацию поведения человека и социума с учетом сложившейся культуры, менталитета, национального характера и признания субъективного восприятия социально-политических реалий. На основе определенной идентичности складывается и стереотипная геополитическая картина мира [Идентичность... 2017, с. 454–488].

Вместе с тем при признании возможностей конструктивизма в исследовании стратегической культуры совершенно неправомерно игнорировать или же вовсе отрицать познавательный потенциал других методологических подходов и школ. В этом смысле американский исследователь Джеффри С. Лантис, автор работы «Стратегическая культура: от Клаузевица к конструктивизму», прав, когда делает

вывод в пользу необходимости синтеза неореализма и конструктивизма, полагая, что «ученые должны работать над преодолением барьеров на пути интеграции этих двух подходов в более всеобъемлющую модель формирования, внедрения и изменения стратегической культуры» [Lantis, 2009, с. 46].

Действительно, стратегическая культура сопряжена с таким сложно выявляемым и измеряемым атрибутом политико-управленческой деятельности, как институциональная память, которая в значительной степени предопределяет в том числе и характер, и конкретные способы подготовки и применения военной силы государства. Институциональная память является, по мнению А.А. Кокошина, «одним из важнейших, практически невидимых извне параметров системы управления» [Кокошин, 2003, с. 379]. Носителями такой памяти в органах государственного и военного управления в нашей стране являются прежде всего высокоинформированные и компетентные специалисты, опыт и стиль работы которых передаются из поколения в поколение.

Изложенное позволяет утверждать, что изучение стратегической культуры и связанных с ней феноменов может потребовать использования целого комплекса прикладных и конкретных методов, которые могут применяться в разных сочетаниях. Как представляется, значительным познавательным потенциалом, который может обеспечить адекватное понимание той или иной стратегической культуры, обладают дискурс-анализ и контент-анализ, кросс-культурный, семантический и семиотический анализ, изучение документов, анализ результатов деятельности. Представить их полное описание в рамках настоящей статьи довольно затруднительно, в связи с чем имеет смысл ограничить иллюстрацию

их применения только некоторыми примерами.

Так, весьма продуктивным оказывается в ряде случаев изучение конституций государств. Хорошо известно, что этот документ является учредительным и декларативным. Согласно Гегелю, конституция есть «организация политического тела» страны: «В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними нравов и отношений» [Гегель, 1978, с. 68].

В этой связи весьма показательным представляется то, что Конституцией США, принятой в 1787 г., изначально узаконены и легитимизированы пиратство и негосударственная военная деятельность. Согласно Конституции США (8-й раздел), к полномочиям конгресса отнесено «определять понятия и карать за совершение пиратства и преступлений, совершенных в открытом море, и преступлений против права наций; ...выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливая правила захвата трофеев на суше и на воде». Указанное конституционное установление вовсе не следует воспринимать как исторический анахронизм: уже в 2022 г. в Конгрессе США был подготовлен законопроект, содержащий требования к президенту Д. Байдену о выдаче каперских свидетельств и репрессалий, позволяющих конфисковать частную собственность российских граждан от имени американского правительства⁴. Причем обращение к пиратскому арсеналу средств

политической борьбы произошло практически сразу после начала проведения Россией специальной военной операции на Украине. Как констатировал в апреле 2022 г. секретарь Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушев, в современных условиях США «продолжают пиратство во всемирном масштабе»⁵, что вполне соответствует их традиции поведения на мировой арене и борьбы с политическими оппонентами.

Конститутирование американской политической системой пиратства наглядно раскрывает сущность англосаксонской стратегической культуры. Имманентной ее характеристикой является стремление воевать чужими руками, обогащаться при этом, навязывать свои ценности силой по всему миру, сталкивать своих оппонентов и союзников, активно обращаться к «экономическому», «психологическому» и иному «оружию», использовать диверсии, проводить подрывные акции и т. д. Такое отношение к силе и военной силе является закономерным результатом исторического развития США. В агрессивном духе формируются традиционно и их военно-доктринальные установки [Ладугин, Афанасьев, 2017].

В связи с рассматриваемой темой уместно подчеркнуть следующее. Политическая практика прошлого и настоящего предоставляет достаточно возможностей убедиться в правоте утверждения Гегеля о том, что «оружие есть не что иное, как сущность самих борющихся» [Гегель, 2000, с. 195].

Заслуживает внимания и Конституция Российской Федерации. Состоявшееся в 2020 г. закрепление в документе (ст. 67) положения о том, что страна «читает память защитников

4 В США предложили конфисковать яхты и самолеты попавших под санкции россиян // РИА Новости. – 2022. – 1 марта. – URL: https://ria.ru/20220301/konfiskatsiya-1775737167.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.04.2022).

5 Над пропастью во лжи: интервью с Н.П. Патрушевым // Российская газета. – 2022. – 27 апреля.

Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», вполне соответствует складывавшейся в течение длительного времени традиции понимания гражданами обороны страны как священного долга [Андреев, Селиванов, 2004, с. 217–219].

Пример с конституциями указывает и на познавательный потенциал сравнительного анализа для выявления общего, особенного и различий в стратегической культуре. Наличие схожих признаков создает условия для понимания их носителями друг друга и для их сотрудничества. Так, по мнению австрийского исследователя генерала В. Пайшеля, с точки зрения сформировавшегося под воздействием военного опыта стратегического мышления Россия по ряду позиций к немецкоязычной традиции ближе, нежели англосаксонский образ мышления. По мнению В. Пайшеля, в образе мышления и

понимании стратегии русские военные теоретики А.Е. Снесарев и А.А. Свечин стоят к Клаузевицу ближе, чем представители американской парадигмы руководства [Пайшель, 2021, с. 48, 54].

Понимание стратегической культуры того или иного субъекта создает условия для прогнозирования его поведения на мировой арене и позволяет своевременно реагировать на такое поведение. В результате правильное понимание стратегической культуры ориентирует на применение метода ретроспективного прогнозирования, который позволяет оценить вероятность последующего хода событий на основе комплекса данных с учетом того, что результат исторического развития известен. Считается, что «в зависимости от временного диапазона прогнозов следует устанавливать ту глубину исторических исследований, на которую должны опираться прогнозы соответствующего диапазона» (см. таблицу 1) [Кокошин, 2014, с. 24].

Таблица 1. Зависимость политического прогнозирования от глубины исторического исследования

Table 1. The Dependence of Political Forecasting on the Depth of Historical Research

Прогнозирование	Глубина исторического исследования
Краткосрочный прогноз на 5 лет	не менее 15 лет
Среднесрочный прогноз на 10 лет	не менее 30 лет
Долгосрочный прогноз на 15 лет и более	не менее 45 лет

Следует при этом отметить, что метод ретроспективного прогнозирования, связанного с осмыслением исторического опыта, представляется весьма полезным для России, которая находится на этапе выработки долгосрочного политического курса, что особенно важно в условиях глобальных трансформаций. Как обоснованно полагают представители Института философии

РАН, указывая на важность раскрытия связи между минувшим и будущим нашей страны, «подлинно научная рефлексия над прошлым становится важнейшим средством проектирования будущего» [Политические стратегии..., 2011, с. 9–10].

В целом же можно утверждать, что выбор методологии и методов анализа конкретной стратегической культуры

и их применение представляют собой сложную задачу. Указанный выбор зависит от множества обстоятельств, а применение требует серьезной подготовки.

В завершение следует отметить следующее. Понятие и концепт стратегической культуры обладают существенным исследовательским потенциалом для изучения и прогнозирования поведения крупных политических игроков современного мира посредством выявления мотивационной основы их действий. Стратегическая культура связана с восприятием субъектом условий и исторического опыта обеспечения своей безопасности, применения военной силы. Вместе с тем в понимании содержания стратегической культуры и в самом понимании стратегии единство мнений в настоящее время отсутствует. Автором предложено видение указанных феноменов на основе обращения к героическим и военным нарративам, выступающим в качестве источника стратегических культур.

Предложенное понимание феномена стратегической культуры требует взвешенного подхода к выбору методологических парадигм и методов исследования. В ходе эволюции исследования стратегической культуры на первый план выходили различные методологии, подходы, парадигмы, накоплен опыт использования конкретных методов. Творческий поиск продолжается и в настоящее время. В нашей стране его результатом должна стать разработка оригинальной концепции российской стратегической культуры.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 130–147.
- Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – Москва : Алгоритм, 2004. – 317 с.
- Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – Москва : Кучково поле, 2002. – 269 с.
- Вершилов С.А. Культура военной безопасности в системе современных военно-политических отношений: социально-философский анализ. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. – 185 с.
- Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – Москва : Наука, 1978. – 440 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – Москва : Наука, 2000. – 495 с.
- Горбачёв М.В. Цивилизационные основания политических проектов. – Москва : Издательство Московского университета, 2020. – 496 с.
- Данильченко С.А., Гришина Е.С. К вопросу о понятии «военная культура» // Военная мысль. – 2022. – № 2. – С. 146–157.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – Ленинград : Госиздат, 1930. – XLVII, 500 с.
- Душа армии: очерки по воен. психологии / Краснов П.Н.; предисл. Н.Н. Головина. – Берлин : Медный всадник, 1927. – 156 с.
- Иванов О.П. Американская стратегическая культура // Обозреватель-Observer. – 2007. – № 5. – С. 87–97.
- Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. – Москва : Весь Мир, 2017. – 987 с.
- Клаузевиц К. 1812 год. – Москва : Госвоениздат, 1937. – 244 с.
- Климов С.Н. Военная культура Франции XX века (социально-философский анализ). – Москва : Военный университет, 2001. – 172 с.
- Климов С.Н., Семаева И.И. К проблеме осмысления военной культуры как социального феномена // Вестник Тверского государственного универ-

ситета. Серия «Философия». – 2018. – № 3. – С. 77–85.

Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 136–144. DOI: 10.31857/S013128120015295-5.

Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 227 с.

Кокошин А.А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2014. – 98 с.

Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – Москва : МГИМО(У); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 528 с.

Ладыгин Ф.И., Афанасьев С.В. Военно-доктринальный базис внешней политики США. – Москва : Кучково поле, 2017. – 207 с.

Лиддел-Гарт Б. Стратегия не прямых действий. – Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 1999. – 656 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – Москва : Мысль, 2001. – 558 с.

Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории / сост.: Н. Конеген, К. Шуберт. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 220 с.

Михайленок О.М. Стратегическая культура как системообразующий фактор общественно-политического согласия // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2015. – № 1. – С. 47–53.

Новицкий В.Я. Высшая стратегия. – Санкт-Петербург : Типография Морского ведомства, 1913. – 97 с.

Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления ис-

следований // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2012. – № 2. – С. 91–102.

Пайшель В. О сущности и содержании стратегии // Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland: коллективная монография / под общ. ред. В.К. Белозёрова и А. Дубови; пер. под ред. И.А. Лузяниной. – Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021. – С. 48–65.

Политические стратегии российского государства как философская проблема / под ред. В.Н. Шевченко. – Москва : ИФ РАН, 2011. – 238 с.

Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. – Москва : Издательство Московского университета, 2020. – 463 с.

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 томах. – 1902. – Т. 6. – Киев. – С. 87–101.

Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Международные отношения, политология, регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 203–219.

Савинкин А.Е. Постижение военного искусства: идейное наследие А. Свечина. – Москва : Военный университет, Русский путь, 1999. – 689 с.

Свечин А.А. Клаузевиц. – Москва : Изд., тип. и цинк. Журн.-газ. объединения, 1935. – 288 с.

Свечин А.А. Методы стратегического мышления // Стратегия в трудах военных классиков. – Москва : Издательский дом «Финансовый контроль», 2003а. – С. 19–27.

Свечин А.А. Стратегия. – Москва : Кучково поле, 2003б. – 656 с.

Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / под ред. А.И. Юрьева. – Санкт-Петербург : Logos, 2006. – 511 с.

Терновая Л.О. Геополитическая культура. – Москва : Инфра-М, 2021. – 340 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. I и II тома. – Москва : Художественная литература, 1983а. – 832 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. III и IV тома. – Москва : Художественная литература, 1983б. – 799 с.

Топорков А.К. Метод военных знаний. – Ленинград : Издание Военной тип., 1927. – 194 с.

Ухорская А.И., Кожухова К.Е., Кирилина Е.Ю. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. – 2021. – № 1. – С. 110–117. – DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.

Ухорская А.И. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – Вып. 4 (845). – С. 131–142. – DOI: 10.51070/2500-347X_2021_4_845_131.

Фридман Л. Стратегия. Война, революция, бизнес. – Москва : Кучково поле, 2019. – 768 с.

Шмитт К. Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. – Москва : Праксис, 2007. – 299 с.

Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2006. – 183 с.

Beeson M., Bloomfield A. The Trump effect downunder: U.S. allies, Australian strategic culture, and the politics of

path dependence // Contemporary Security Policy. – 2019. – Published online : March 28. – P. 18–20.

Colson B. La culture stratégique française // Stratégique. – 1992. – N. 53. – P. 27–60.

Kovač M., Marček J. Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie // Österreichische militärische Zeitschrift. – 2013. – N 1. – S. 34–47.

Lantis J.S. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 33–52. – DOI: 10.1057/9780230618305_3.

Marti U. Theorien der internationalen Politik // Konturen der neuen Welt(un)ordnung / Herausg. von G. Kohler, U. Marti. – Berlin, New York : de Gruyter, 2003. – S. 62–79. – DOI: 10.1515/9783110204575.1.62.

Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin : Rowohlt, 2009. – 606 S.

Riemer P. Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation. – Berlin : Mises Verlag, 2021. – 360 S.

Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit. – Wien : Landesverteidigungsakademie, 2019. – 202 S.

Wójtowicz T. A comparison of the strategic culture of the United States and the People's Republic of China // Polityka i Społeczeństwo. – 2018. – № 1 (16). – P. 103–116.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Methods of Analysis of Strategic Cultures

Vasily K. BELOZEROV

Doctor of Sciences in Political Science, Full Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University

Ostozhenka Street, 38, Bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119034;

Leading Researcher at the Research Laboratory "Study of Global and Regional Socio-Political Processes" of the Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod
Minina Street, 31a, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603155

E-mail: vk_belozerov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4875-5878

CITATION: Belozerov V.K. (2022). Methods of Analysis of Strategic Cultures. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 29–49 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.05.02

Received: 25.04.2022.

Revised: 09.08.2022.

ACKNOWLEDGEMENT: The research is conducted by the state task in the Moscow State Linguistic University (project no. FSFU-2020-0020).

ABSTRACT. *The aim of the article is to reveal the intention of "strategic culture", which has a significant cognitive potential for studying the political course of the main players in the modern world. In modern-day Russia, the study of this phenomenon is characterized by inconsistency and ambiguity, which has disorienting consequences and makes it difficult to use the concept to identify political phenomena and processes. The situation is further complicated by the lack of clarity about what a political strategy is. The article gives the author's vision of the strategy and reveals how the strategic culture is determined by the historical past of the nation, including its military experience. Therefore, the concept of "strategic culture" refers to the dependence of the subject's political behavior on their perception of security. This perception is determined by the historical experience of the use of military force and the attitude towards it. Therefore, in practice, strategic culture is expressed in preferences when*

choosing ways and means of the subject's response to changes in the environment.

The comprehension of a specific strategic culture is complicated by the fact that, while existing and being insufficiently studied and explained, it can be perceived as an irrational phenomenon. Understanding the strategic culture requires the perception of value meanings, symbols, and motives of political players. It leads to increased requirements for the choice of methodology and research methods. The study of strategic culture and related phenomena involves the complex use of applied and specific methods. Among them, discourse analysis and content analysis, cross-cultural, semantic and semiotic analysis, study of documents, analysis of performance results should be singled out.

KEYWORDS: *strategy, culture, strategic culture, concept, military experience, methodology, methods of analysis, constructivism.*

References

- Alekseeva T.A. (2012). Strategic Culture: Evolution of the Concept. *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 5, pp. 130–147 (in Russian).
- Andreev A.P., Selivanov A.I. (2004). *Russian Tradition*. Moscow : Algoritm, 317 pp. (in Russian).
- Colson B. (1992). La culture stratégique française. *Stratégie*, no. 53, pp. 27–60 (in French).
- Daniľchenko S.A., Grishina E.S. (2022). On the Question of the Concept of “Military Culture”. *Voennaja mysl'*, no. 2, pp. 146–157 (in Russian).
- Del'brjuk G. (1930). *The History of Military Art within the Framework of Political History*. Leningrad : Gosizdat, XLVII, 500 pp. (in Russian).
- Dusha Armii... (1927). Krasnov P.N. *The Soul of the Army: Essays on Military Psychology*. With preface by N.N. Golovin. Berlin : Mednyj vsadnik, 156 pp. (in Russian).
- Fridman L. (2019). *Strategy. War, Revolution, Business*. Moscow : Kuchkovo pole, 768 pp. (in Russian).
- Gegel' G.V.F. (2000). *Phenomenology of the Spirit*. Moscow : Nauka, 495 pp. (in Russian).
- Gegel' G.V.F. (1978). *Political Works*. Moscow : Nauka, 440 pp. (in Russian).
- Gorbachev M.V. (2020). *Civilizational Foundations of Political Projects*. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 496 pp. (in Russian).
- Identichnost'... (2017). Semenenko I.S. (ed.) *Identity: The Individual, Society, and Politics*. Moscow : Ves' Mir, 987 pp. (in Russian).
- Ivanov O.P. (2007). American Strategic Culture. *Obozrevatel'-Observer*, no. 5, pp. 87–97 (in Russian).
- Klauzevic K. (1937). *1812 year*. Moscow : Gosvoenizdat, 244 pp. (in Russian).
- Klimov S.N. (2001). *Military Culture of France of the Twentieth Century (Socio-Philosophical Analysis)*. Moscow : Voennyj universitet, 172 pp. (in Russian).
- Klimov S.N., Semaeva I.I. (2018). On the Problem of Understanding Military Culture as a Social Phenomenon. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Filosofija*, no. 3, pp. 77–85. (in Russian).
- Kokoshin A.A. (2014). *Methodological Problems of Forecasting in the Interests of Russia's National Security*. Moscow : Institut vostokovedenija RAN, 98 pp. (in Russian).
- Kokoshin A.A. (2018). *Questions of Applied Theory of War*. Moscow : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 227 pp. (in Russian).
- Kokoshin A.A. (2003). *Strategic Management: Theory, Historical Experience, Comparative Analysis, Tasks for Russia*. Moscow : MGIMO(U); “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPEN), 528 pp. (in Russian).
- Kovač M., Marček J. (2013). Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie. *Österreichische militärische Zeitschrift*, no. 1, pp. 34–47.
- Kozhuhova K.E. (2021). “Strategic Culture” in the Scientific Discourse of China. *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3, pp. 136–144 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120015295-5.
- Ladygin F.I., Afanas'ev S.V. (2017). *The Military-Doctrinal Basis of US Foreign Policy*. Moscow : Kuchkovo pole, 207 pp. (in Russian).
- Lantis J.S. (2009) Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism. In: *Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies*. New York : Palgrave Macmillan, pp. 33–52. DOI: 10.1057/9780230618305_3.
- Liddel-Gart B. (1999). *Indirect Action Strategy*. Moscow : OOO “Firma Izdatel'stvo AST”; Saint-Petersburg : Terra Fantastica, 656 pp. (in Russian).

Losev A.F. (2001). *Dialectic of myth*. Moscow : Mysl', 558 pp. (in Russian).

Marti U. (2003). Theorien der internationalen Politik. In: Kohler G., Marti U. (Herausg.). *Konturen der neuen Welt(un)ordnung*. Berlin, New York : de Gruyter, pp. 62–79 (in German). DOI: 10.1515/9783110204575.1.62.

Metodicheskiye podkhodi... (2004). Konegen N., Shubert K. (eds.). *Methodological Approaches of Political Science Research and Metatheoretical Foundations of Political Theory*, Moscow : ROSSPEN, 220 pp. (in Russian).

Mihajlenok O.M. (2015). Strategic Culture As a System-Forming Factor of Socio-Political Consent. *Fundamental'nye aspekty psicheskogo zdorov'ja*, no. 1, pp. 47–53. (in Russian).

Münkler H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin : Rowohlt, 606 pp. (in German).

Novickij V.Ja. (1913). *Higher Strategy*. Saint-Petersburg: Printing House of the Maritime University, 97 pp. (in Russian).

Ozhiganov Je.N. (2012). Strategic Culture: The Concept and Directions of Research. *Vestnik RUDN. Ser. Politologija*, no. 2, pp. 91–102 (in Russian).

Pajshel' V. (2021). *About the Essence and Content of the Strategy*. Moscow : FGBOU VO MGLU, pp. 48–65 (in Russian).

Politicheskiye strategii... (2011). Shevchenko V.N. (ed.). *Political strategies of the Russian state as a philosophical problem*. Moscow : IF RAN, 238 pp. (in Russian).

Rakitjanskij N.M. (2020). *Mental Studies of Global Political Worlds*. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 463 pp. (in Russian).

Renan Je. (1902). *What Is a Nation?* Kiev, pp. 87–101 (in Russian).

Riemer P. (2021). *Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation*. Berlin : Miles – Verlag, 360 pp. (in German).

Ryhtik M.I. (2003). Strategic Culture and the New Concept of US National Security. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija : Mezhdunarodnye otnoshenija, politologija, regionovedenie*, no. 1, pp. 203–219 (in Russian).

Savinkin A.E. (1999). *Comprehension of Military Art: The Ideological Legacy of A. Svechin*. Moscow : Voennyj universitet, Russkij put', 689 pp. (in Russian).

Shmitt K. (2007). *The Theory of the Partisan: An Intermediate Remark on the Concept of the Political*. Moscow : Praksis, 299 pp. (in Russian).

Shubina Ju.G. (2006). *Geopolitical Culture As a Factor of Modern Political Development of Russian Society: dissertation... Candidate of Political Sciences: 23.00.02*, Stavropol, 183 pp. (in Russian).

Strategicheskaya psikhologiya... (2006). Jur'ev A.I. (ed.). *Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital*, Saint-Petersburg : Logos, 511 pp. (in Russian).

Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit (2019). Wien : Landesverteidigungsakademie, 202 pp. (in German).

Svechin A.A. (1935). Clausewitz. Moscow : izd., tip. i cink. Zhurn.-gaz. ob'edinenija, 288 pp. (in Russian).

Svechin A.A. (2003a). *Methods of Strategic Thinking*. Moscow : Izdatel'skij dom «Finansovyj kontrol'», pp. 19–27 (in Russian).

Svechin A.A. (2003b). *Strategy*. Moscow : Kuchkovo pole, 656 pp. (in Russian).

Ternovaja L.O. (2021). *Geopolitical Culture*. Moscow : Infra-M, 340 pp. (in Russian).

Tolstoj L.N. (1983a). *War and Peace*, vol. I and II. Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 832 pp. (in Russian).

Tolstoj L.N. (1983b). *War and Peace*, vol. III and IV. Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 799 pp. (in Russian).

Toporkov A.K. (1927). *The Method of Military Knowledge*. Leningrad : Izdanie Voennoj tip., 194 pp. (in Russian).

Uhorskaja A.I., Kozhuhova K.E., Kirilina E.Ju. (2021). Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China). *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija : Sociologija. Politologija*, no. 1, pp. 110–117 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.

Uhorskaja A.I. (2021). “Strategic Culture” in the Scientific Discourse of France.

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki, no. 4 (845), pp. 131–142 (in Russian) DOI: 10.51070/2500-347X_2021_4_845_131.

Vandam (Edrihin) A.E. (2002). *Geopolitics and Geostrategy*. Moscow : Kuchkovo pole, 269 pp. (in Russian).

Vershilov S.A. (2010). *Culture of Military Security in the System of Modern Military-Political Relations: Socio-Philosophical Analysis*. Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 185 pp. (in Russian).